
Лера
Вербина
Осторожно,
ЗЛОЙ
БОСС!

Лера Вербина

Осторожно, злой босс!

«Автор»
2026

Вербина Л.

Осторожно, злой босс! / Л. Вербина — «Автор», 2026

Я секретарь и личный помощник директора. А мой новый босс - деспот, диктатор, самодур, изверг и сатрап. Деревяшка бесчувственная!Кто бы знал, как я его ненавижу!У нас в компании запрещено всё. Опаздывать, отдыхать, быть неэффективным, тратить время на пустые разговоры За любое нарушение - штраф.За служебный роман - немедленное увольнение.Мне надо продержаться месяц, только босс делает всё, чтобы я уволилась. Придирается, отчитывает, штрафует Ну чего он привязался?А недавно он начал изображать интерес ко мне. Дурацкая инсценировка, чтобы потом уволить за служебный роман.Нет уж, господин директор, этот номер у вас не пройдет!

© Вербина Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Лера Вербина
Осторожно, злой босс!

Глава 1

Алена

Я смотрела на этого холодного бездушного красавчика, моего нового босса…

И думала, что не могу и не хочу больше находиться рядом с ним.

— Кажется, мне лучше уволиться, Гордей Александрович, — сказала я.

***

А ведь начиналось всё вполне оптимистично. Я даже не думала, что уже к вечеру окажусь без работы.

С утра в нашем офисе царила паника — все нервничали и тряслись за свои рабочие места.

Потому что все ждали явления нового босса народу.

Как известно, наш новый босс, Никольский Гордей Александрович, суров и беспощаден.

Многие подозревают, что он киборг.

По слухам, он никогда не испытывает эмоций, никогда не входит в положение и чаще всего в своей жизни произносит два коротких слова:

— Вы. Уволены.

Это страшный человек.

Я, впрочем, тряслась не так сильно, как остальные. Потому что место секретарши — совсем не работа моей мечты. Хотя платят у нас, конечно, хорошо — наша компания относится к крупному московскому холдингу.

И все-таки я не особенно тряслась по поводу своего места. Устроиться на аналогичную должность я наверняка смогу, даже если за меньшую зарплату и не сразу.

Честно говоря, эта работа давно у меня в печенках сидит!

Никогда я не мечтала быть секретарем. Да кто вообще об этом мечтает?

Правда, со старым боссом мы ладили. С ним сложно было не поладить — бывший директор приходил в офис к обеду, а часа через три уже уходил. Сергей Васильевич ни во что особо не лез, редко давал мне поручения и придерживался принципа «работает — не трожь».

Таких людей надо при жизни причислять к лику святых, я считаю.

Увы, Сергея Васильевича, моего бывшего босса, Никольский уволил первым.

Да, к сожалению для Сергея Васильевича, у него тоже был свой босс. Наша компания «Формат» специализируется на пошиве спортивной одежды, а еще это одно из подразделений гигантского холдинга «Индиго» с головным офисом в Москве.

И владелец «Индиго» — собственно, Гордей Александрович Никольский.

Раньше до нашего маленького подразделения у Никольского просто не доходили руки. Ну, где Москва, и где мы? Фабрика компании «Формат» шила себе потихоньку спортивную одежду, совсем уж в убытки мы не скатывались, но и звезд с неба не хватали.

Однако пару месяцев назад у Никольского наконец-то дошли до нас руки.

Проверки посыпались одна за другой.

Потом наш главный московский босс внимательно изучил результаты независимого финансового аудита, а также оценку перспектив нашего развития.

Поняв, что подразделение годами болтыхается в точке безубыточности и почти не выходит в прибыль, Никольский решил, что пора всё менять.

Первым делом он уволил Сергея Васильевича — управляющий не оправдал возложенных на него надежд.

А следом выяснилось, что новый босс сам временно возглавит наше скромное провинциальное подразделение.

Мы с ужасом узнали, что он собирается приехать в наш город из Москвы — практически, спуститься к нам с Олимпа.

Что он собирается за месяц навести у нас идеальный порядок и заставить всех эффективно работать.

Что те сотрудники, которые не будут справляться с требованиями, услышат его любимые слова:

— Вы. Уволены.

Согласно сценарию Никольского, через месяц он сможет назначить нового управляющего и вернуться в свою Москву.

Когда этот сценарий был впервые озвучен сотрудникам «Формата» на большой планерке, всем сразу стало очевидно, что к концу месяца наши ряды поредеют.

***

Я до последнего была настроена оптимистично. Во-первых, мне нечего терять. Подумаешь, должность секретарши. Правда, с очень неплохой зарплатой… очень неплохой… но всё равно это совсем не работа моей мечты, так?

Во-вторых, зачем ему вообще меня увольнять? Я прекрасный работник, Сергей Васильевич, между прочим, меня очень ценил!

Кто же знал, что всё пойдет кувырком с первой минуты, а потом и вовсе разразится катастрофа?

Утром всему офису было объявлено, что высокое начальство прибудет сегодня.

Никольский явился к концу рабочего дня, когда все уже как на иголках были.

Я думала, что познакомлюсь с ним одной из первых — ведь, по идее, он сначала должен был заглянуть в приемную и свой кабинет, раньше принадлежавший Сергею Васильевичу.

Однако я даже разглядеть нового босса не успела — его встретил у машины и сразу утащил к себе в кабинет Марат Эдуардович Султанов.

Этот Марат Эдуардович — такой же новый человек в нашей компании, как и сам Никольский. Кто он, мы толком и не поняли пока.

Вроде бы, антикризисный менеджер и правая рука босса, которого он пораньше прислал из Москвы.

Три дня Марат Эдуардович сидел над отчетами в выделенном ему кабинете и ни с кем не общался, только запрашивал всё новые и новые финансовые документы. А сейчас, не успел Никольский приехать, кинулся, значит, докладывать обстановку.

Прошел час. Рабочий день закончился, но никто не рискнул уйти домой.

Наконец было объявлено, что все сотрудники должны в течение десяти минут собраться в конференц-зале — самом большом помещении в нашем офисе.

Ибо новый директор желает с нами говорить.

***

На всякий случай я ждала на своем рабочем месте до последнего — вдруг Никольский решит по пути заглянуть в приемную, а секретарши нет, вдруг это ему не понравится? Потом поняла, что он не зайдет уже, мысленно перекрестилась и побежала на собрание.

Конференц-зал — это, конечно, слишком громкое название для того помещения, куда нам всем было велено явиться. Просто комната с расставленными от стены до стены рядами обычных офисных стульев и небольшое возвышение напротив, играющее роль кафедры.

Впрочем, на дверной створке, дабы никто не усомнился, и в самом деле висела золотая табличка «Конференц-зал». Сергей Васильевич, прежний босс, очень любил всякие таблички. «Приемная», «Бухгалтерия», «Отдел маркетинга», «Дизайн-отдел» и «Отдел инноваций» — каких только табличек нет в нашем офисе! А на двери в его бывший кабинет сияет самая красивая и роскошная — «Директор».

Я уже спешила, поэтому по коридору промчалась почти бегом. Выскочила из-за угла и сразу налетела на Родиона.

Родион Дымов работает в коммерческом отделе, а еще он у нас местный донжуан. Самоуверенный и артистичный товарищ — язык подвешен, обаяние фонтаном бьет. У Родиона были отношения почти со всеми нашими незамужними девушками и даже некоторыми замужними. Правда, недолгие — долго его нарциссизм ни одна не выдержит.

Два года назад, когда я только устроилась на работу, Дымов пытался ухлестывать и за мной. Но моя подруга Иринка — она дизайнер — вовремя просветила меня, что это за человек. Короче, любви у нас с Родионом не вышло.

Смешно, но он до сих пор пытается ко мне подкатывать. Наверное, уязвленное самолюбие донжуана требует добавить еще одну галочку в длинный список его побед.

Вот и сегодня, как только я на него налетела, Родион быстро сориентировался — подхватил меня на руки и приподнял.

Я взвизгнула.

— Ты дурак совсем? Отпусти!

— А вот и не отпущу, — засмеялся Дымов. — Пока не согласишься наконец-то сходить со мной на свидание!

— Да не соглашусь я! Ты человеческий язык понимаешь вообще?

— Не понимаю и понимать не хочу. Соглашайся, Аленка, а то ведь я не отстану!

— Дымов, ну ты правда дурак! Мы с тобой на собрание опаздываем, ты в курсе?

— Подумаешь, собрание!

— У нас новый директор!

— Директор? Да пошел он в…

Только в следующую секунду Родион очень быстро поставил меня на ноги. И чуть-чуть изменился в лице.

— Здрас-сте… — промямлил Дымов, глядя на кого-то у меня за спиной.

Я одернула блузку, обернулась.

И сначала мой взгляд наткнулся на антикризисного менеджера Марата Эдуардовича.

А рядом с ним стоял, как несложно было догадаться, Гордей Александрович Никольский. Наш новый босс.

— Замечательно, — ровным голосом проговорил Никольский. — Сотрудники компании «Формат» каждую секунду рабочего времени проводят в трудах на благо компании. Какие ценные и, главное, незаменимые специалисты.

Глава 2

Алена

Первым в конференц-зал вошел Никольский, следом за ним — Марат Эдуардович, который на секунду обернулся на нас и покрутил пальцем у виска.

Мы с Родионом переглянулись. Мне много чего хотелось сказать этому идиоту, но времени на выяснение отношений совсем не оставалось. Еще секунда, и мы тоже бросились в зал.

Места удалось занять только в заднем ряду — как назло, два места рядом, а других мест не было совсем, так что пришлось мне сесть бок о бок с Дымовым.

Никольский уже вышел на «трибуну».

— Здравствуйте, коллеги, — заговорил он. — Давайте знакомиться. Меня зовут Гордей Александрович, я ваш новый директор.

Я слушала и ловила себя на мысли, что у Никольского красивый голос, только совершенно механический. И в целом он красивый, конечно, мужик, высокий, темноволосый, отлично сложенный… но какое же неприятное впечатление производит этот его холодный взгляд!

— Результаты финансового аудита показали, что…

Он и в самом деле был похож на киборга. Никольский говорил так, как будто батарейки экономил, боялся, что разрядится совсем и заглохнет на ходу. Ровный голос, скупая минимальная мимика, скупые выверенные жесты — видно, что он и пальцем не пошевелит почем зря.

— Эффективно работать, а не так, как вы привыкли…

Никольский не улыбался и не шутил, говорил размеренно и четко, в речи не было слов-паразитов и ненужных пауз. Он как будто читал текст по бумаге, внятно и без запинок, только вот никакой бумаги у него в руках в помине не было.

— …строгая дисциплина. В рабочее время устанавливается запрет на…

Мне стало не по себе. Интересно, он запомнил меня и ту дурацкую сцену у входа? Память у киборга должна быть фотографической — фиг он чего забудет!

Сегодня после собрания Никольский наверняка явится в свой кабинет. И сразу поймет, что в той дурацкой сцене участвовала его секретарша…

Я покосилась на Дымова, который с невозмутимым видом сидел рядом со мной. Вот же подставил нас обоих, придурок!

— Перекуры категорически запрещены. Нельзя тратить время на пустые разговоры с коллегами. Нельзя покидать рабочее место без уважительной причины. Рабочий день начинается в девять ноль-ноль, опоздания недопустимы в принципе. За все нарушения трудовой дисциплины будут налагаться штрафы в размере десяти процентов от заработной платы. После пяти штрафов следует увольнение.

— Трындец, — пробормотал Родион и как бы случайно положил руку на мое колено.

Вот же паразит!

Я сбросила его ладонь, но он вернул ее обратно. Хлопнула его по руке. Родион усмехнулся, поймал мою кисть и не больно, но крепко сжал, не давая вырваться. Я разозлилась и дернула руку посильнее.

Кажется, наша возня привлекла внимание. Когда я наконец отбилась от Дымова и снова посмотрела на босса, то обнаружила, что и он смотрит в нашу сторону.

Прямо на меня.

— Последнее, — сказал Никольский. — Если сотрудники компании «Формат», вместо того чтобы работать, устраивают свою личную жизнь, значит, я прихожу к выводу, что трудятся они неэффективно. За служебные романы будет налагаться штраф в размере двадцати про-

центов от заработной платы. И только одно предупреждение, второго не будет. После второго подобного эпизода следует увольнение.

Я похолодела под его ледяным взором. Он правда говорит это специально для нас с Дымовым, или мне только показалось так?

— Сегодня в нашей компании, коллеги, был создан прецедент. Я не буду называть участников, просто хочу сообщить обоим: вы уже оштрафованы на двадцать процентов от заработной платы. Повторный эпизод приведет к увольнению. Надеюсь, мне удалось донести до вас — а также до всех, кто здесь присутствует, — как важно серьезнее относиться к работе?

…Нет, мне не показалось. Вот же блин.

***

После этого ужасного собрания я вернулась в приемную. Подумала, что, во-первых, мне не стоит уходить из офиса, пока босс не ушел первым. Мало ли, как его величество воспримет тот факт, что он еще на работе, а секретарша уже ушла домой?

Во-вторых, я надеялась, если Никольский всё же заглянет в приемную, поговорить с ним.

Ну, не может же он быть таким извергом, на самом деле?

Я страшно злилась на дурака Дымова, который втянул меня в неприятности, но еще больше я злилась на Никольского.

Двадцать процентов от зарплаты — он с ума сошел? Для меня это большие деньги, я, в отличие от некоторых, не миллиардер!

За что вообще меня штрафовать? Как можно было влепить мне штраф, не разобравшись в вопросе?

Я, между прочим, тут жертва домогательств и пострадавшая сторона!

Дверь открылась — это все-таки явился Никольский. Ну, хорошо, что явился, не пришлось мне до ночи в офисе сидеть.

Волнуясь, вскочила со своего кресла.

Удастся мне переубедить этого киборга?

— Здравствуйте, Гордей Александрович, — неуверенно начала я.

Он остановился на пороге, окинул меня равнодушным взглядом. Потом подошел к моему столу, остановился.

— Значит, это тебя я сегодня оштрафовал? — ровным голосом спросил он.

— Меня, — вздохнула я. — И, если возможно, я бы хотела поговорить об этом…

Никольский продолжал стоять напротив и разглядывать меня — всё так же безучастно и равнодушно. Ну, а я волей-неволей разглядывала его.

Красив, очень красив, причем красота не слащавая, а такая… мужественная. Высокий, фигура крепкая — просто ух! И лицо… да, тоже мужественное. Строгое и красивое. Темные волосы, темные брови, прямой нос, идеально правильные черты.

Если бы не эта его деревянность, что ли? — нового босса можно было бы назвать обаятельным красавчиком. Но нет, так его при всем желании назвать нельзя.

Обаятельный красавчик — это у нас Родион Дымов, к примеру. А в Никольском обаяние просто отсутствует.

Выражение лица, как у терминатора.

Эмоциональный диапазон, как у тяжелого письменного стола из массива дуба.

— Если возможно, Гордей Александрович, я бы хотела поговорить, — повторила я и запнулась, поежившись под его холодным взглядом.

— Ты моя секретарша? — спросил он.

Я кивнула.

— Как зовут?

— Алена.

— Алена? — Никольский нахмурился. — В паспорте какое имя?

— Елена… Но можно «Алена», мне так привычнее.

На самом деле, я даже вздрагиваю, когда меня называют полным именем. Это очень редко происходит, обычно в каких-нибудь учреждениях, где ты сидишь и ждешь своей очереди, а потом тебя вызывают: Елена Кузнецова. Вот в таких случаях я вздрагиваю и не сразу понимаю, что зовут именно меня. Настолько я привыкла быть Аленой — в семье, в школе, в университете и в офисе, да везде, везде!

— Вот что, Елена. Мы не будем устраивать тут детский сад. Или ты демонстрируешь мне серьезное отношение к работе — или прямо сейчас пишешь заявление. Секретарша-дошкольница мне не нужна. Это понятно?

Я тихонько скрипнула зубами.

— Да, Гордей Александрович.

— Рад такой понятливости, Елена. О чем ты хотела поговорить?

— О штрафе. Дело в том, что… Гордей Александрович, вы неверно поняли… на самом деле…

— Нет.

— Простите?

— Я сказал «нет». Меня не интересуют пикантные подробности. Мои решения не обсуждаются. Штраф остается в силе. После второй такой выходки, Елена, ты будешь уволена. Еще вопросы?

Я просто ушам своим не поверила. Кажется, и покраснела от злости. Во всяком случае, почувствовала, что у меня горит лицо.

Как вообще можно работать с таким человеком? Он ведь точно не человек, а киборг. Деревяшка. Буратино недоделанный. Бревно с ушами.

Я не могу и не хочу больше находиться рядом с ним.

— Кажется, мне и в самом деле лучше уволиться, Гордей Александрович, — тихо сказала я.

— Пиши заявление, — ледяным голосом ответил он. — Я сейчас должен уйти. Оставишь бумагу у меня на столе. Завтра вернусь в офис, подпишу.

Глава 3

Алена

Никольский ушел. Я написала заявление и оставила у него на столе, как он и сказал мне. Собрала свои личные вещи, окинула прощальным взглядом помещение, ставшее почти родным за два года, и ушла, больше ни разу не оглянувшись.

Возможно, мне предстоит еще прийти в офис завтра или на днях за окончательным расчетом, но надолго я тут ни за что не задержусь.

Да, в компании «Формат» секретарю платят очень достойную зарплату. И работа была до сих пор неутомительной. Сергей Васильевич совершенно не обременял меня, он и сам в офисе редко появлялся.

Но то было раньше. А теперь у нас новый босс, тиран и самодур, который намерен заставить всех работать эффективно.

Пусть он катится к черту со своими диктаторскими замашками!

***

Дома меня встретили мама и дедушка — и у обоих были почему-то очень напряженные лица.

— Что случилось? — испугалась я.

Дедушка в последнее время чаще жаловался на сердце, а он и так сердечник со стажем. Уже некоторое время мама водила его по врачам, он сдавал разные анализы… Сегодня он должен был идти на прием к кардиологу.

— Да не волнуйся, всё будет хорошо, — неуверенно улыбнулся дед.

— Дедушке предложили операцию, — сказала мама. — Надо делать, или ему может стать хуже. Завтра мы едем в Пензу, консультируемся, и уже решено, что его как минимум на неделю в стационаре оставят, чтобы провести все обследования. Если определят, что ситуация неотложная, то начнут готовить к операции сразу. Я тоже там пока поживу, надо будет снять квартиру…

— Почему в Пензу? — спросила я.

Не о том спрашивала, конечно. Просто ужасно растерялась и обалдела от новостей.

— Там хороший кардиоцентр, проводят операции, — сказала мама. — У нас такого нет.

— А какая операция? — испуганно пробормотала я.

— По замене клапана.

— Что?

Это звучало жутко. Я, может, и не специалист в таких делах, но даже я понимаю, что замена клапана — это что-то серьезное!

— Аленка, ты не бойся за меня, — снова улыбнулся дед. — Я крепкий. И, говорят, такие операции сейчас поставлены на поток, хорошие хирурги их как семечки щелкают…

— А это платно? — спросила я. — Операция платная? Надо срочно искать деньги? Ох… и что делать будем? У нас ведь и заначек никаких толком нет… Вы уже думали, что мы можем продать?

— Нам сказали, что операция бесплатная, по квоте, — ответила мама. — Но деньги, конечно, нужны. Снять квартиру в чужом городе, да просто на проживание и питание… Я в школе договорилась, что беру за свой счет, меня должны подменить. Сложный разговор был с директором, ну, в общем… неважно. Но в этом месяце у меня зарплаты, считай, не будет. Заначку я выгребла, дедушкину пенсию тоже уже получили, этих денег должно хватить, а дальше… ладно, разберемся. Слава богу, хоть ты у нас с работой и нормальной зарплатой,

за тебя хоть можно не беспокоиться. Ничего, Аленка, не переживай, выкрутимся, дедушка поправится. Всё будет хорошо.

Я подошла к деду и обняла его, а мама обняла нас обоих. Мы долго стояли втроем и утешали друг друга, как могли.

А еще я понимала… я просто не имею права сообщить им, что уволилась.

Нет, даже не так.

Я просто не имею права сейчас увольняться.

Только вот если я скажу Никольскому, что передумала, он меня уволит сам.

***

Утром мама и дедушка уехали, а я засобиралась на работу.

Шанс был призрачный, но я должна попробовать. Если Никольский скажет: «Нет, мои решения не обсуждаются», тогда…

Не знаю, что тогда. Буду искать другую работу. Любую. Срочно. Хоть уборщицей, хоть дворником, мне сейчас всё равно.

Я так торопилась, что пришла в офис к половине девятого. Первым делом бросилась в кабинет директора, схватила собственное заявление, смяла его и запихала в сумку.

Я не увольняюсь. Вам померещилось.

Не было ничего.

Никольский явился в девять ноль-ноль, секунда в секунду. С ума можно сойти от такой пунктуальности.

Остановился на пороге, скрестил руки на груди и окинул меня ничего не выражающим взглядом.

Я вскочила с кресла, замерла, как кролик перед удавом, прикусила губу.

На стене негромко тикали часы. В моей груди очень громко стучало сердце. Кажется, как и дедушке, мне скоро потребуется операция.

Никольский был спокоен и равнодушен.

Этот человек вообще умеет испытывать хоть какие-нибудь эмоции? Удивился бы или разозлился, я бы поняла. А вот эти холодные взгляды вообще не понимаю!

— Здравствуйте, Гордей Александрович, — пробормотала я.

— Если мне не изменяет память, — ответил Никольский, — вчера мы остановились на том, что ты увольняешься. Я ожидал найти на рабочем столе твое заявление.

— Гордей Александрович, там… там нет заявления.

— То есть, ты передумала увольняться?

— Я хочу работать, Гордей Александрович.

Не знаю, чего я ждала. Скорее всего, отказа. Я была морально готова упрашивать его и, наверное, даже умолять. Была готова, что он всё равно выгонит.

Он молча смотрел на меня. В его глазах я не могла разглядеть ничего. Там была пустота, безвоздушное пространство, вакуум.

— Твое счастье, Елена, — наконец заговорил Никольский, — что мне в любом случае нужна секретарша. И нет никакого желания тратить время на поиски новой, а потом ждать, когда она войдет в курс дела. Ты можешь остаться. Но тебе придется доказать, что ты ценный сотрудник и очень мне нужна.

Я улыбнулась. Не помню, когда еще в жизни я испытывала такое облегчение.

— Это до первого серьезного промаха, Елена, — добавил он. — На второй раз не пощажу. Кстати, серьезным промахом я считаю опоздание даже на одну минуту.

— Конечно, Гордей Александрович, — пробормотала я.

Не пощадит он меня, царь-батюшка.

Господи, как с этим киборгом работать вообще?

Глава 4

Алена

Я всего неделю работаю с новым боссом, а моя жизнь уже превратилась в ад.

Только и остается, что вспоминать старые добрые времена и Сергея Васильевича.

Никольский завалил меня работой так, что я света белого не вижу.

Утром нельзя опаздывать. Ну да, это он заявил мне в первый же день, я не забыла. К счастью, я живу в центре города, мне не приходится тратить время в пробках — до офиса добираться пешком пятнадцать минут.

Однако у меня развилась самая настоящая фобия: я боюсь проспать. В старые добрые времена я просыпалась в половине восьмого и прекрасно успевала на работу к девяти.

Теперь я просыпаюсь в шесть. Без будильника! Будильник на семь заведен, а я просыпаюсь в шесть! Страх, что могу проспать, буквально выталкивает меня из постели.

Я стала бегать по утрам. А что еще делать, если всё равно не усну? Да, теперь каждое утро я встаю, умываюсь, надеваю удобные шорты с футболкой и иду в парк рядом с домом, а там нарезаю круги по аллейкам ровно до семи ноль-ноль. Потом возвращаюсь домой, принимаю душ, завтракаю и иду на работу.

Без пятнадцати девять я уже в офисе.

Ровно в девять, секунда в секунду, приходит босс.

И начинается ад.

Этот человек всегда кому-то нужен — телефон разрывается от звонков. Никольскому часто звонят из Москвы, и он почти на бегу решает какие-то срочные дела, с которыми не могут справиться его московские подчиненные.

Много бывает и местных звонков, причем половина — совершенно бестолковые, с предложениями о сотрудничестве, которые он отвергает.

И, конечно, ему звонят и звонят наши же сотрудники, потому что он всю привычную работу перевернул с ног на голову, и теперь никто ни в чем не может разобраться. Только звонить себе напрямую Никольский запретил, и все вызовы проходят через меня.

Мне приходится то и дело принимать решения — заслуживает очередной звонок того, чтобы потревожить высокое начальство, или можно сразу завернуть коллегу с его неуместной просьбой?

К вечеру от бесконечного телефонного треньканья буквально раскалывается голова.

И если бы проблема была только в телефоне!

Проблема в том, что я теперь не просто секретарь. Я теперь, вроде как, личный помощник директора.

Я слежу за его расписанием, планирую его график, организую встречи и поездки. Три дня назад у них с Маратом Эдуардовичем был важный деловой ужин с поставщиками, и вся организация, включая выбор ресторана и меню, естественно, была на мне.

Я занимаюсь всеми его документами, в том числе, сама подготавливаю их на подпись или регистрирую те, что пачками тащат в приемную сотрудники «Формата».

Я ищу для него информацию, которую он запрашивает.

Я слежу, как выполняются его поручения.

Я просматриваю его почту и отвечаю на некоторые деловые письма, а те, на которые не могу ответить сама, пересылаю ему на личный ящик.

Я постоянно делаю ему кофе. Постоянно! Этот человек поглощает кофе литрами! Иногда мне кажется, он его даже не пьет, а выливает в унитаз — рядом с директорским кабинетом есть комната отдыха и личная уборная.

Наверняка он назло мне требует этот проклятый кофе, чтобы я еще сильнее устала, забегалась и допустила какой-нибудь промах, в конце концов!

Тогда Никольский посмотрит на меня своим равнодушным взглядом и припечатает:

— Ты. Уволена.

Дубина бессердечная, вот он кто!

Наверное, он меня едва выносит и пытается подтолкнуть к увольнению. Делает замечания, смотрит с пренебрежением, требует переделать уже выполненную работу из-за малейшего пустяка!

Ладно, я сама понимаю, что это говорят мои обида и злость. Нет у него ко мне никакой враждебности, как нет и никакой симпатии.

Этот человек совершенно равнодушен ко всем людям в мире, и я тут не исключение. Никольский выжимает из меня все соки и придирается на ровном месте именно потому, что ему на меня плевать.

Я всё время работаю напоминалкой.

— Гордей Александрович, через два часа встреча с представителями «Мира».

— Гордей Александрович, в десять у вас с «Маркетом» переговоры.

— Гордей Александрович, завтра в двенадцать двадцать…

— Гордей Александрович…

Я ненавижу его имя!

Я ненавижу его самого!

***

Вторая неделя пошла, как я работаю с этим дуболомом. Не было ни дня, чтобы я не задумывалась об увольнении.

Каждый раз я прихожу к мысли, что пока не могу себе этого позволить. Да, очень хотелось бы! С наслаждением бросить ему в лицо: «Иди к черту!» и уйти с гордо поднятой головой.

Но моей семье нужна поддержка, у нас мало денег. Дед в больнице, мама с ним в другом городе. Мы созваниваемся каждый день, и она рассказывает, какие сегодня сделали новые процедуры — то холтер, то УЗИ сердца, то коронарографию… И какие еще только предстоит сделать.

Если я уволюсь, я не знаю, сколько времени займет поиск новой работы. Я ищу уже сейчас, но пока хороших вакансий не попадается.

Я напоминаю себе, что Никольский планирует к концу месяца вернуться в Москву. Он здесь уже неделю с лишним, осталось потерпеть еще три, и он уедет. Новый управляющий, которого он оставит вместо себя, будет в тысячу раз адекватнее. Даже если не так прекрасен, как Сергей Васильевич, то точно адекватнее Никольского. Именно так всё и будет!

Просто потому, что хуже Никольского никого не может быть.

Мне осталось продержаться всего три недели. Я же сильная! Дед с самого детства твердил мне не переставая: «Аленка, ты молодец, ты такая сильная».

Неужели я не продержусь? Конечно, продержусь. Ради деда! Я смогу!

…Ну, или все-таки не продержусь.

Однажды я, наверное, психану, плюну в лицо этому диктатору Никольскому и швырну ему на стол заявление.

Когда-нибудь он меня допечет, и я так и сделаю, да.

Глава 5

Алена

Босс требует от всех эффективно работать. Еще эффективнее!

Никто в офисе не тратит время на болтовню, никто вообще не покидает свое рабочее место просто так — пройтись, размять ноги. Все боятся штрафов.

Именно поэтому ко мне теперь не забегает поболтать Иринка, моя подруга. Раньше, до того как Никольский спустился к нам с Олимпа, она часто прибегала, а теперь нет.

Родион Дымов однажды заскочил по старой памяти — никак он не угомонится. Оперся руками о мой стол, начал заливать что-то про какие-то документы, а сам наклоняется всё ближе и ближе, прямо-таки уже нависает…

Но тут босс вышел из кабинета. Родиона сдуло быстрее, чем Никольский успел нахмуриться.

Нет, еще, конечно, каждые пять минут приходит кто-нибудь из сотрудников, чтобы передать очередные бумаги на подпись. Но они сбегают из приемной со скоростью звука — боятся, что их визит посчитают отлыниванием от работы.

Я словно попала в социальную изоляцию, а мой круг общения сузился до одного-единственного человека. Моего босса. Не говоря уж о том, что это никакое не общение. Никольский открывает рот, чтобы отдать мне очередной приказ или сообщить о своем недовольстве. Больше ничего.

Впрочем, есть еще один человек в нашем офисе, с которым я могу иногда поговорить. Это Марат Эдуардович Султанов, антикризисный менеджер, которого Никольский прислал к нам за несколько дней до своего прибытия.

Марат Эдуардович забегает часто — у них с боссом всё время какие-то консилиумы.

В первый же день Султанов объявил, что я могу называть его просто Марат.

— Привет, привет, — сказал он мне, прискакав с утра пораньше в приемную. — Как зовут, красавица?

— Алена, — невольно улыбнулась я

— Елена, — отчеканил Никольский, который как раз нарисовался на пороге своего кабинета.

— Так Алена или Елена? — засмеялся Марат.

— Елена, — вздохнула я.

Не будешь же с тираном и самодуром спорить.

— Значит, Елена Прекрасная, — подытожил Марат.

Он подошел и протянул мне руку. Я протянула ему свою в ответ, мы обменялись рукопожатием, а потом Султанов быстро притянул мою кисть к своим губам и оставил легкий поцелуй на тыльной стороне ладони.

— Марат, — сказал он.

— Знаю, Марат Эдуардович, — растерянно пробормотала я, аккуратно отбирая у него свою кисть.

— Нет-нет, ни в коем случае! — замахал он руками. — Просто Марат. Мне очень, очень приятно, Елена.

— Кхм, — откашлялся Никольский.

— Да иду, иду, — засмеялся Марат. — Работать, работать и еще раз работать, я всё помню, Гордей.

Я оглянулась и с удивлением обнаружила, что босс смотрит на Марата с явным недовольством.

В первый раз я увидела, как этот деревянный человек хоть какие-то эмоции проявляет. Ах, да, Никольский же не выносит, когда подчиненные от работы отлынивают…

Тиран чертов!

***

А с Султановым у нас в итоге сложились на удивление теплые взаимоотношения.

Он часто забегает к Никольскому и всегда рад со мной потрындеть. И я тоже, как ни странно, рада — хоть какое-то отвлечение от списка дел длиною в жизнь.

А еще Султанов то и дело притаскивает мне какие-нибудь маленькие презенты. Сегодня, например, принес плитку шоколада.

— Хотел купить тебе шоколадку «Аленка», — заявил он, — но не было. Поэтому вот купил какой-то элитный бельгийский. Надеюсь, не хуже.

— Уверена, что не хуже, — улыбнулась я. — Только не надо больше откармливать меня сладостями, а то я растолстею.

— От горького шоколада не растолстеешь, — отмахнулся Марат.

— И что здесь опять происходит? — прогремел голос Никольского от двери.

Почти всегда, стоит Марату заглянуть в приемную, и Никольский тут как тут. Как будто нарочно подкарауливает!

— Да ничего не происходит! — засмеялся Марат. — Гордей, не будь таким занудой, мы просто разговариваем!

— В рабочее время? — уточнил Никольский ледяным голосом.

— Иногда можно и от работы отвлечься, — фыркнул Марат. — Человек — не робот. Психика должна расслабляться, иначе не выдержит напряжения.

— В свободное от работы время сколько угодно расслабляйтесь, — отрезал этот самодур. — А на работе надо пахать.

Мы с Маратом переглянулись. Он даже глаза закатил. Я вздохнула.

Все-таки Никольский и в самом деле робот. Киборг, который не понимает живых людей.

***

Сегодня утром я, как обычно, проснулась в шесть, умылась, почистила зубы и переоделась в удобные футболку и шорты. А потом забрала волосы повыше, в два пучка — получились эдакие звериные ушки. Посмотрела на себя в зеркало и осталась довольна.

У меня темные волосы, и кожа успела загореть за две недели беготни по утрам, так что белоснежная футболка мне очень к лицу.

А еще мне к лицу эта смешная прическа, с которой удобно бегать. Опыт показывает, что именно так моя длинная шевелюра фиксируется лучше всего, не рассыпается, не лезет в глаза и не мешает.

Собравшись окончательно, я вышла на пробежку.

В парке с утра было замечательно — и народу мало, и воздух прохладный, еще прогреться не успел.

Поймала себя на мысли, что нет худа без добра. Ну, когда бы я собралась по утрам бегать? А ведь бегаю! Уже две недели, спасибо Никольскому, бегаю! Кто молодец? Я молодец!

Сегодня и правда уже две недели, как Никольский возглавляет нашу компанию.

Я каждый день считаю дни. Сколько еще осталось? Он собирался уехать через месяц. Надеюсь, его тут ничто не задержит, да?

Не успела я так подумать, как на одной из уединенных аллей нос к носу столкнулась с Никольским!

— Гордей Александрович? — обалдела я.

Он был в кроссовках, футболке и спортивных штанах. Я первый раз в жизни видела его одетым не с иголочки — в неприлично дорогой костюм — а в совершенно простую человеческую одежду.

Хотя, наверное, эти футболка и штаны на нем — такие же неприлично дорогие.

Никольский что, тоже на пробежку вышел? Он с ума сошел?

Зачем?

Ну вот зачем?!

— А-а… Елена? — в свою очередь удивился босс. — Ты бегаешь по утрам?

Он смотрел на меня таким ошарашенным взглядом, что это можно уже было назвать «разглядывал с головы до ног». И даже «пялился». Особенно на мои голые ноги. Ну, шортики у меня коротенькие, да. Кажется, Никольский тоже слегка обалдел, потому что привык видеть меня одетой совсем по-другому, в скромные деловые блузки и юбки чуть выше колен.

— Вот, бегаю… — пробормотала я и тут же добавила: — Не буду отвлекать, Гордей Александрович… я побежала.

Обогнула его и со всех ног помчалась прочь по пустынной аллее.

Только гад Никольский, вместо того чтобы бежать в другую сторону, развернулся и помчался за мной.

Глава 6

Алена

— Елена, ты неправильно бегаешь, — сообщил мне Никольский, когда догнал и пристроился рядом. — Слишком быстро, так нельзя. Ты нерационально тратишь силы. Надо их распределять, чтобы хватило на всё время тренировки. Иначе скоро выдохнешься.

Босс проговорил это таким ровным голосом, как будто совсем не запыхался. Он что, профессиональный спортсмен?

Впрочем, судя по фигуре, мощным плечам и накачанным бицепсам, которые теперь, когда он в футболке, было так удобно разглядывать… Да, кажется, этот человек, то есть, этот киборг, — и правда настоящий спортсмен.

Зато я вот запыхалась, пока старалась от него убежать!

— Вы… правы… Гордей… Александрович, — пробормотала я и замедлилась, раз уж убежать не удалось.

— Я всегда прав, — согласился со мной Никольский.

Следующие минут пять мы так и бежали рядом. Молча. Я испытывала неловкость, замешательство и ужасное раздражение. Ну зачем, зачем он здесь? Мне так хорошо было бегать одной!

— Ты живешь где-то поблизости? — вдруг спросил он.

— Да, недалеко живу, — ответила я.

А в следующую секунду до меня дошло, что, раз он явился на пробежку в наш парк, значит, тоже живет где-то поблизости! Только этого не хватало!

— А вы, Гордей Александрович? — слабым голосом уточнила я.

Не знаю, на что я надеялась. Что босс ответит: «Нет, я живу ужасно далеко отсюда, у черта на куличках, просто сегодня меня похитили инопланетяне и привезли на летающей тарелке в этот парк»?

— На съемной квартире, тоже недалеко, — сообщил Никольский, разом похоронив все мои надежды. — Честно говоря, когда я еще в Москве просил снять для меня на месяц квартиру, я понятия не имел, где в итоге буду жить. Но оказалось, мне нашли неплохой дом в центре, и парк рядом. Я каждый день прихожу сюда на пробежку. Ты, я смотрю, тоже, да? Удивительно, как это мы с тобой до сих пор не встретились… Хотя парк большой…

«И слава богу!» — подумала я.

Меня поразила его внезапная разговорчивость. В офисе он общается исключительно отрывистыми фразами, вынь да положь, дай-подай, принеси-унеси, срочно сделай, оштрафую, уволю… Но, выходит, этот чурбан способен поддерживать и нормальный человеческий разговор?

— Я привык бегать по утрам, — поведал Никольский. — Всю жизнь бегаю. Ты тоже?

— Ну… не то чтобы всю жизнь, — замялась я.

— Это очень полезная для здоровья привычка, — добавил он.

Больше до самого конца пробежки мы не сказали друг другу ни слова.

***

На следующий день случилось то, чего я так боялась всё это время. Воплотился мой самый жуткий кошмар.

Я проспала и опоздала на работу.

На целых две минуты.

Понятия не имею, как это произошло. Впервые в жизни я просто не услышала будильника. Или он не сработал. Не знаю почему!

Когда все-таки проснулась и поняла, сколько времени…

Я мгновенно собралась. Завтракать, конечно, не стала, даже волосы не успела стянуть в обычный хвост. Почистила зубы, оделась и вылетела из дома. Всю дорогу до офиса бегом бежала, надеялась успеть.

Открывая дверь в приемную, уже понимала — всё, конец мне. Деревянный киборг не пощадит.

Никольский стоял у окна рядом с моим рабочим столом и смотрел на улицу.

Я влетела в комнату. Он обернулся и замер.

Дверь громко хлопнула позади меня. Я прижалась к ней спиной.

По сути, терять уже нечего.

— Я… уволена?

Босс оторвался от окна и направился ко мне.

Подошел, остановился совсем близко. В его глазах не было обычного равнодушия. Сейчас я видела в них какие-то эмоции, только не могла разобрать какие.

Никольский долго молчал, разглядывал меня с высоты своего роста.

— Тебя не было на пробежке, — наконец проговорил он.

— Не было. Я уволена?

— Почему у тебя волосы распущены?

— Не успела причесаться. Я уволена?

— Почему ты опоздала?

— Проспала. Я уволена?

— Почему проспала?

— Не услышала будильника. Я уволена?

— Так сильно устаешь?

— Устаю. Господи, ну скажите, я уволена?

— Я тебя перегрузил?

Мне было уже всё равно, к тому же, я слегка обалдела от его вопросов.

— А вы сами-то как думаете, Гордей Александрович? — со злостью спросила я.

Он снова надолго замолчал.

Не выдержала первой.

— Я уволена, да? Могу я собрать личные вещи? Мне хочется поскорее уйти!

Что-то снова сверкнуло в его глазах. Что-то непонятное.

— Стоп. Разве я разрешил уйти?

Я даже рот открыла, но не нашлась, что ответить.

— Ты поставила меня в трудное положение, Елена, — задумчиво добавил Никольский. — Да, я помню, что говорил. Я обещал уволить тебя за опоздание даже на одну минуту. А ты опоздала на целых две.

— Опоздала, — согласилась я.

Он покачал головой.

— Я привык держать свое слово. К тому же, мне не хочется поступаться принципами. А значит, я просто обязан тебя уволить. Видишь, как я с тобой откровенен?

Никольский вздохнул.

— Что ж, еще немного откровенности. За последние дни я убедился, что ты толковая и весьма ценная работница. Найти тебе сейчас замену в вашей захудалой провинции будет непросто. Это займет много времени, а ведь я уже через две недели возвращаюсь в Москву. И что же теперь с тобой делать, а?

Он пожал плечами.

— Закрыть глаза на твое опоздание? Ради тебя поступиться принципами? Ты правда настолько ценная?

Сама не знаю, почему я ответила ему то, что ответила, и как вообще это вырвалось.

— Я… бесценная.

— Бесценная, — медленно повторил он, как будто пробуя на язык незнакомое слово.

Никольский уперся локтем в дверь над моей головой и снова надолго замолчал. Я смотрела на него с легким испугом и прикидывала пути к отступлению.

— Знаешь, Елена, — наконец сказал он. — Есть старый добрый способ определить ценность секретарши.

Он резко подался вперед, одной рукой обнял меня за талию и прижал вплотную. Вторая его рука оказалась на затылке, зарылась в мои распущенные волосы. Я тихо ахнула. Никольский издал невнятный звук.

А в следующую секунду накрыл мои губы своими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.